

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В ТУРЦИИ И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Полковник С. ИВАНОВ,

ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН

Состоявшийся в Турецкой Республике (ТР) 16 апреля 2017 года референдум о планируемых поправках в конституцию, сутью которых является переход страны с парламентской формы правления на президентскую, стал центральным событием в политической жизни ТР и может иметь далеко идущие последствия как во внутренней, так и во внешней политике государства. 51,4 проц. участников референдума поддержало предложенные поправки, около 48,6 проц. проголосовало против, явка избирателей составила 86 проц. Эти цифры лишь подтвердили сохраняющийся раскол турецкого общества.

Многие граждане Турции и зарубежные политики считают крайне несвоевременным и ничем не обоснованным этот поспешный референдум. Они полагают, что в условиях чрезвычайного положения в стране, масштабных «чисток» госаппарата, преследования инакомыслящих, продолжающегося вооруженного конфликта с Рабочей партией Курдистана (РПК), участия ТР в боевых действиях в Сирии и Ираке данные состоявшегося референдума не могут быть объективными. Не случайно, избиратели Стамбула, Ан-

кары, других крупных городов ответили «нет» на вопросы референдума.

Многие из них не скрывают своих опасений по поводу наметившегося укрепления личной власти Р. Эрдогана и превращения его в очередного диктатора (султана). Это якобы не позволит стабилизировать ситуацию в стране и лишь послужит разжиганию вражды между различными группами населения по политическим, этническим, конфессиональным и другим признакам.

Другие, наоборот, приветствуют концентрацию власти в руках Р. Эрдогана и надеются, что он тем самым сможет лучше справиться с террористической угрозой, решит курдскую проблему силовым путем, даст очередной толчок социально-экономическому развитию республики, заставит уважать ее на международной арене и т. д.

Дело в том, что нынешний президент страны и так имел достаточно полномочий для эффективного управления государством. Премьер-министр Турции Бинали Йылдырым (однопартиец и сторонник Эрдогана) никогда не пытался противопоставлять деятельность правительства решениям президента. К тому

Курды протестуют против реформы власти

Митинг противников реформ Р. Эрдогана

же последний значительно укрепил свои позиции после внеочередных парламентских выборов 1 ноября 2015 года.

Партия справедливости и развития (ПСР), основателем которой он является, уверенно победила на этих выборах и получила 317 мест из 550, что значительно больше, чем было необходимо для формирования однопартийного правительства (276). Последующее соглашение ПСР с Партией националистического движения (ПНД) позволило ей получить в парламенте большинство, необходимое для принятия законов и вынесения предложений о поправках в конституцию на референдум.

Неудавшаяся попытка военного переворота в ночь с 15 на 16 июля 2016 года также дала возможность Р. Эрдогану укрепить свое положение во власти, нанести серьезный удар по оппозиционно настроенным военным, представителям других силовых структур, чиновникам госаппарата, судьям, прокурорам, религиозным деятелям, депутатам парламента, сотрудникам СМИ и т. д. Десятки тысяч человек подверглись задержаниям и арестам, сотни тысяч были уволены или отправлены в отставку. Традиционно важные роль и значение армии в политической жизни страны были практически нивелированы. Последующий референдум нанес еще один серьезный удар по позициям военных — они теперь не смогут участвовать в выборах, меняется роль военных трибуналов.

Но Р. Эрдоган посчитал, что имеющейся у него власти все же недостаточно, чтобы в сжатые сроки осуществить все задуманные реформы, продолжить курс на дальнейшую исламизацию страны, возрождение былого могущества и величия Османской империи. Уже в январе 2017 года предложенный им пакет из 18 поправок к конституции был одобрен турецким парламентом, а 16 апреля получил, хотя и с небольшим перевесом, но все же поддержку на всеобщем референдуме.

Конституционные изменения предполагают значительное расширение полномочий президента, который становится верховным главнокомандующим вооруженными силами. Практически вся высшая исполнительная власть сосредоточится в руках главы государства: пост премьер-министра упраздняется, появятся посты вице-президентов, президент будет напрямую назначать членов правительства, что сейчас делает премьер. Он получит также право законодательной инициативы, роспуска парламента, введения и отмены чрезвычайного положения (последнее до сих пор являлось прерогативой парламента).

Конституционная реформа позволит увеличить число депутатов парламента с 550 до 600, реформировать Верховный совет судей и прокуроров и даст право президенту состоять в политических партиях. Таким образом, Р. Эрдоган сможет вновь официально возглавить правящую

Сторонники Р. Эрдогана празднуют победу

ПСР и участвовать в президентских выборах 2019-го и 2024 годов.

Сторонники Эрдогана считают, что длительное пребывание его на посту лидера правящей партии и главы государства обеспечат стабильность и процветание Турецкой Республики, укрепит ее позиции региональной державы и делает подлинным лидером современного мусульманского мира.

Если отбросить крайние точки зрения на возможные последствия от реализации итогов состоявшегося в ТР референдума, то можно прийти к следующим выводам:

1. Коренных изменений во внутренней и внешней политике Анкары при усилении системы президентства Р. Эрдогана в ближайшее время ожидать не приходится.

2. Внутриполитическая обстановка в стране в условиях перехода к президентской форме правления еще долгое время будет оставаться нестабильной. Угрозы новых попыток военных переворотов, заговоров и масштабных террористических актов, скорее всего, сохранятся. Слишком много политических, этноконфессиональных и других групп населения остаются враждебно настроенными по отношению друг к другу и готовы каждый по-своему противодействовать Р. Эрдогану.

В частности, сильны еще позиции кемалистов – сторонников секулярного развития турецкого общества и опоры на армию, гюленистов – сторонников ныне опального духовного лидера Фетхуллы Гюлена, продолжает партизанскую борьбу с властями Рабочая партия Курдистана, легальными методами противостоят Р. Эрдогану другие курдские полити-

ческие и общественные организации.

Если учесть, что численность курдов в стране, по последним оценкам, около 20 млн человек и каждый четвертый гражданин Турции – этнический курд, то эта проблема является весьма серьезной. Не удовлетворены своим положением другие национальные и религиозные меньшинства (армяне, греки, черкесы, алавиты и т. п.).

Экстремистские лозунги и террористические методы остаются на вооружении

различных турецких радикальных группировок. В свое время турецкие власти и спецслужбы заигрывали с ними и пытались использовать их в борьбе с курдами, оппозицией, сирийскими властями. На протяжении последних нескольких лет Турция была транзитным коридором и надежным тылом для направляющихся в Сирию и Ирак боевиков-джихадистов со всего мира. Теперь «джин выпущен из бутылки», и, как «Аль-Каида», «Исламское государство Ирака и Леванта», «Джабхат ан-Нусра» (запрещены в России), «Серые волки», «Львы Аллаха» и «Ястребы Курдистана» – эти организации время от времени осуществляют террористические акты непосредственно на территории Турции.

3. Есть серьезные основания полагать, что Р. Эрдоган все же сможет относительно успешно лавировать между разобщенными оппозиционными силами страны и умело разыгрывать сохраняющиеся между ними противоречия. У него есть значительный опыт взаимодействия с курдами, кемалистами, республиканцами, националистами, исламистами, гюленистами и тому подобными группировками. Добившись всей полноты власти и ослабив наиболее мощный оплот внутренней оппозиции в лице армии, Р. Эрдоган надеется жестче контролировать ситуацию в стране и консолидировать вокруг себя большую часть турецкого общества.

Не исключено, что, восстановив свое председательство в правящей ПСР, нынешний лидер проведет и там кампанию чисток, так как эта партия пока избежала репрессий 2016–2017 годов и там потенциально могут оставаться

ставшие в последние годы враждебными ему бывшие соратники-гюленисты. Ведь долгое время Р. Эрдоган считал себя учеником и последователем Ф. Гюлена.

4. Не следует ожидать и серьезных изменений во внешней политике Турции в регионе и в мире. Анкара по-прежнему будет добиваться любыми путями смены режима Башара Асада в Сирии на протурецки настроенный арабо-суннитский, исламистский (типа «Братьев-мусульман») режим. При этом Р. Эрдоган рассчитывает сохранить и по возможности расширить свой плацдарм на севере этой страны, ослабить национальное движение сирийских курдов, добиться ухода из Сирии КСИР Ирана и боевиков ливанской шиитской группировки «Хизбалла».

В Ираке ТР попыбует также сохранить свое военное присутствие, защитить интересы арабов-суннитов и туркоманов в их противодействии джихадистам ИГ и Багдаду и закрепить взаимовыгодные, близкие к союзническим отношения с Иракским Курдистаном. Как и в Сирии, здесь одна из задач Анкары состоит в том, чтобы ограничить влияние Ирана.

5. Курс на восстановление отношений с Израилем, укрепление связей и контактов по военной и военно-технической линии с Саудовской Аравией, Катаром и Иорданией будет продолжен. Несмотря на некоторое охлаждение отношений с Вашингтоном, Турция останется активным членом НАТО и стратегическим союзником США в регионе. Активная поддержка ракетного удара ВМС США по сирийской авиабазе Шайрат 7 апреля сего года подтверждает это.

Более того, в развитие своего неоосманского курса Р. Эрдоган намерен продолжить выполнять отведенную ему функцию интеграции в альянс Азербайд-

Р. Эрдоган ищет поддержки у Д. Трампа

жана, Грузии и Украины, с которыми Турция уже имеет двусторонние соглашения о военном и военно-техническом сотрудничестве (совместные учения, маневры, заходы кораблей, обмен делегациями, обучение кадров, перевооружение на стандарты НАТО и т. п.).

Единственно, пока трудно прогнозировать будущие отношения Анкары с ЕС. Заявление Р. Эрдогана о планах восстановить в стране смертную казнь вроде бы ставит крест на процессе интеграции Турции в Евросоюз. Но, если предположить, что эта угроза, как и заявления о готовности Анкары «открыть шлюзы для нелегальных мигрантов» в Европу, лишь очередной элемент торга и попытка очередного шантажа стран ЕС, то можно полагать, что президент Р. Эрдоган, получив более широкие полномочия, все же «сменит гнев на милость» и попыбует наладить взаимовыгодные отношения с Европой. К этому его подталкивает то, что ТР занимает положение транзитера углеводородов и других товаров из государств, Азии и Ближнего Востока в страны ЕС. В конце-концов, и российский «Турецкий поток», и планируемые трубопроводы из Израиля, Катара, Азербайджана, Центральной Азии – все они предназначены для поставок нефти и газа в Европу. Дальнейшая изоляция Турции от нее не в интересах деловых кругов республики и самого Р. Эрдогана.

Таким образом, итоги прошедшего референдума и ожидаемое превращение Турции из парламентской республики в президентскую являются важными событиями в политической жизни страны, но не должны привести к коренному повороту в ее внутренней и внешней политике. Р. Эрдоган продолжит начатый им курс на постепенную замену кемалистской (секулярной) модели турецкого общества на умеренно исламистскую с претензиями на роль не только региональной державы, но и лидера мусульманского мира. Планы возрождения Османской империи уже в новых границах и условиях будут оставаться важным звеном во внешней политике турецкого государства в период президентства Р. Эрдогана. с